

Розин В.М.

Социокультурный анализ походов Александра Македонского и размышление о сущности войны

Аннотация: Статья состоит из двух частей – общих рассуждений о сути войны и анализа конкретного кейса, а именно социокультурного осмысления походов Александра Македонского. Отталкиваясь от работы И.Канта, считавшего возможным установление вечного мира, автор анализирует современное понимание войны, различая в мотивировании последней два плана: прагматический и трансцендентальный. Первый задается разного рода практическими целями (захватить чужую территорию, отомстить другому народу за прошлые обиды, распространить на захваченную территорию свою власть, усилить свое хозяйство, пополнить казну и рабов и прочее), а второй – направляется идеями, субъектами которых выступают не отдельные индивиды, а сообщества или государство. Походы Александра Македонского рассматриваются, с точки зрения, анализа личности великого полководца, замысла походов, включая послания, призванные мотивировать и воодушевить армию и греческие полисы, процесса реализации этим замыслов, основных условий реализации, выводов, позволяющих лучше понять природу войны. В исследовании указанных тем были реализованы принципы сравнительного анализа, культурно-историческая реконструкция походов Александра Македонского, методологический анализ, включая проблематизацию. В результате удалось рассмотреть проблемы, возникающие в процессе осмысления войны. Дается и ответ на вопрос о возможности жить без войны. Западный мир теоретически мог бы прожить без войн, поскольку пацифистские и гуманистические движения способствуют превращению традиционных войн в войны с минимальным количеством жертв среди противника и населения. Но противоположная тенденция, вызванная экспансией варварства, наоборот постоянно возобновляет традиционные войны.

Ключевые слова: Война, армия, военный поход, полководец, мир, культура, личность, изменение, условия, победа.

Review: The paper consists of the two parts, general discussion of the nature of war and a case study, specifically, socio-cultural views on the campaigns of Alexander the Great. Based on the work of Kant who believed that it was possible to establish the eternal peace, the author analyzes the current understanding of the war and the difference in motivating the last two plans: pragmatic and transcendental. The former is given by all sorts of practical reasons (to seize someone else's territory, to take revenge on other people for their past wrongdoings, to extend the power and strengthen the economy in the conquered territories, to boost the coffers and slaves, etc.), and the latter is defined by ideas created by a community or state but not individuals. Campaigns of Alexander the Great are considered from the point of view of the analysis of personality of the great general, his plans of campaigns including messages designed to motivate and inspire the army and the Greek city-states, the implementation of these plans, the basic conditions of implementation, the findings to better understand the nature of war. The study of these topics have been implemented principles of comparative analysis, cultural-historical reconstruction of the campaigns of Alexander the Great and methodological analysis including problematization. As a result, the author could view the problems arising in the process of thinking about war. The author also gives his answer to the question whether it is possible to live without war. The Western world could theoretically live without wars because pacifist and humanist movements contribute to the transformation of traditional wars into the war with a minimum of casualties among the enemy population. But the opposite trend caused by the expansion of barbarism on the contrary constantly renews the traditional war.

Keywords: Victory, army, military campaign, general, peace, culture, personality, change, war, condition.

В изучении войны можно указать две полярные тенденции: морально-нравственный подход, когда война понимается как безусловное зло, поскольку она связана с гибелью и страданием

людей, а также несправедливостью (так называемые, несправедливые войны противопоставляемые справедливым), и научный, считающийся объективным, в рамках которого война рассматривается как нор-

мальное культурное явление, выполняющее несколько функций (в древнем мире она выступала инструментом защиты подвергшихся нападению народов и одним из важных хозяйственных механизмов и, по сути, всегда – силовым способом разрешения социальных конфликтов, как между государствами, так и отдельными сообществами).

Стоит обратить внимание, что первый подход сложился и стал практиковаться только в культуре Нового времени, например, в Древнем мире о морали и нравственности в нашем понимании не приходится говорить. Победившие в войне цари гордились числом (исчислявшихся многими десятками тысяч) уничтоженных и уведённых в рабство людей и разрушенных городов. Если встать на точку зрения царей, то понять эту бесчувственность и жестокость можно: если мои боги войны, считали они, не помогут, мой народ будет уничтожен; но я выиграл войну и, следовательно, теперь эти люди стали моими рабами, а их земля – моей собственностью. Кстати, поскольку ценность отдельной человеческой жизни в те времена была ничтожной и возрастала только в том случае, если индивид наделялся сакральным содержанием (герои, в которых вселялись боги, или цари в качестве живых богов), захваченные пленные могли быть или уничтожены или превращены в рабов, а вот чужие боги просто приобщались к пантеону своих богов, но, естественно, на вторичных ролях.

Как известно, И. Кант вслед за целым рядом философов XVII и XVIII столетий был уверен, что рано или поздно войны прекратятся. В работе «К вечному миру» он доказывает, что действие природы наподобие «невидимой руки» рынка приведет к миру в Европе. «Эту гарантию, – пишет Кант, – даёт великая в своем искусстве природа (*natura daedala regi.im*), в механическом процессе которой с очевидностью обнаруживается целесообразность, состоящая в том, чтобы осуществить согласие людей через разногласие даже против их воли; и поэтому, будучи как бы принуждающей причиной, законы действия которой нам не известны, она называется судьбой, а при рассмотрении ее целесообразности в обычном ходе вещей она, как глубоко скрытая мудрость высшей причины, предопределяющей этот обычный ход вещей и направленной на объективную конечную цель человеческого рода, называется провидением<...> Предварительное установление природы состоит в следую-

щем: 1) она позаботилась о том, чтобы люди имели возможность жить во всех краях земли; 2) посредством войны она рассеяла людей повсюду, забросив их даже в самые негостеприимные края, чтобы заселить их; 3) войной же она принудила людей вступать в отношения, в большей или меньшей степени основанные на законе» [1, с. 19, 21]. Интересно, что природе здесь Кант наделяет своего рода антивоенными свойствами. В «Критике чистого разума» разуму, тоже трактуемому как действие особого рода природы, приписывается «систематическое единство» и божественная целесообразность.

Однако надежда Канта на механизм «невидимой руки» природы не привела к миру. Напротив, мы видим, что в XX столетии природа и законы почему-то не помешали двум мировым войнам, множеству локальных войн, современному экономическому кризису и тому состоянию социума, в котором острым проблемам не видно конца.

Не оправдывается и концепция, в соответствии с которой в настоящее время войны невыгодны, поскольку не обещают прибыли, а чужие территории тоже никому не нужны. Война на Украине показывает, что это не так: хотя, действительно, украинская территория России не нужна и война экономически невыгодна, она продолжается, исходя из идейных соображений, среди которых не последнее место занимают проблемы удержания и распространения власти и мировидения.

В этом отношении в войне можно выделить два плана – прагматический и трансцендентальный. Первый задается разного рода практическими целями (захватить чужую территорию, отомстить другому народу за прошлые обиды, распространить на захваченную территорию свою власть, усилить свое хозяйство, пополнить казну и рабов и прочее), а второй – направляется идеями, субъектами которых выступают не отдельные индивиды, а сообщества или государство. Например, народ нагуа, населявший в доколумбовые времена большую Мексиканскую долину, вел «цветущие», «цветочные», войны», целью которых являлось не просто захват пленных и подчинение себе других царств (это прагматические цели), а приношение пленных в жертву богу солнца, как условие поддержания его жизни и, следовательно, считали жрецы и цари нагуа, сохранения жизни на земле. Вот эта трансцендентальная миссия, а не просто прикрытие прагматических целей, поддерживала огонь

в топке войны в империи ацтеков несколько сотен лет.

В «Сообщении из Тескоко» указано, что «цветочные войны» велись с двумя целями: «одна ради военных упражнений» и доблести воинов, а «вторая и главнейшая причина заключалась в служении их идолам, чтобы пленники, которых захватывали ...шли бы на жертвоприношения их богам». Знаменитый ацтекский полководец и реформатор Тлакаэзель объяснял следующим образом причину постоянных войн на территории ближайших нагуа шести царств (городов). «Народ из этих городов будет похожим на теплый хлеб, только что из печи, мягкий и вкусный. Причина этого заключается в том, что они близки, совсем рядом, и не должны будут наши войска, когда после того будут возвращаться, идти с поспешностью, и пленники будут приходить горячими, с пылу с жару, и именно такими их будут захватывать наши воины, подобно идущим развлекаться или на охоту. И должна быть эта война такого рода, чтобы мы не намеревались истребить их, но чтобы они всегда стояли на ногах для того, чтобы всякий раз, когда бы мы пожелали и наш бог захотел бы поесть и развлечься, мы могли бы отправиться на рынок приобрести ему пищу» [2, с. 441-442, 443].

Отстаивание и поддержание свободы и демократии в мире, которыми США оправдывают свои войны, или сохранение «русского мира», оправдывающего войну на Украине, являются такими же трансцендентальными миссиями. Как правило, с точки зрения второго плана жизнь отдельного человека или права других народов могут быть пожертвованы ради победы в войне. С точки же зрения гуманизма, это совершенно недопустимо. Франсиско де Витория (1429–1546) в «Лекциях об индейцах и военном праве» писал, что «варвары ко времени прибытия туда испанцев были как официально, так и частным образом хозяевами на своей земле, так же как христиане на своей, и не сами индейцы, ни их князья не могут быть лишены своих владений на основании того, что они якобы не являются их истинными владельцами. Поэтому было бы несправедливым отказать им, не сделавшим нам никакого зла, в том, что мы признаем за сарацинами и евреями, постоянными врагами христианской религии, считая их хозяевами своего достоинства, если оно не захвачено у христиан» [3, с. 274].

В уже цитированной работе Кант пишет, что «истребительная война, в которой могут

быть уничтожены обе стороны, а вместе с ними и всякое право, привела бы к вечному миру лишь на гигантском кладбище человечества» [1, с. 5]. Но как показал нацизм и культ личности Сталина, внушительное кладбище можно устроить и во вполне мирное время. За примерами не надо ходить далеко: геноцид армян, Холокост, ГУЛаг, массовое уничтожение людей в Камбодже. Бауман пишет, что «холокост был не просто еврейской проблемой и не просто одним из событий одной лишь еврейской истории. Холокост возник и случился в нашем современном обществе, на высшей стадии нашей цивилизации, на пике культурных достижений человечества, и по этой причине это проблема общества, цивилизации и культуры. Самозаживание исторической памяти, которое происходит в сознании современного общества, по этой самой причине гораздо больше, чем просто оскорбление жертв геноцида. Это еще и знак опасной и самоубийственной слепоты» [4, с. 10]. Другими словами, не всегда мир по своим результатам уничтожения людей и страдания противоположен войне, существуют формы «мирной жизни», мало чем отличающиеся от войны. Тем не менее, мы почему-то считаем, что мир принципиально отличен от войны; может быть по формальным, в первую очередь правовым, признакам это и так, но не в плане гибели людей и страданий.

Стиранию граней между миром и войной способствует и современная техника. Одно дело, когда до середины XIX столетия на поле боя сходились лицом к лицу две армии и воины, сражаясь и убивая, видели друг друга; совершенно другое, – например, война США во Вьетнаме или СССР в Афганистане. Бомбить территорию врага можно за несколько тысяч километров от собственной страны, где в это время протекает вполне мирная жизнь. Альтернативой близости является социальная дистанция. Моральным атрибутом близости является ответственность; «Моральным атрибутом социальной дистанции, – пишет З.Бауман, – является нехватка морального отношения, или гетерофобия. Ответственность заглушается, как только ослабляется близость; она может в конечном итоге замечаться обидой, когда человеческий субъект-товарищ превращается в Другого. Процесс превращения есть процесс социального отдаления. Именно подобное отдаление сделало возможным, чтобы тысячи убивали, а миллионы следили за убийствами без возмущения.

Это было технологическим и бюрократическим достижением современного рационального общества, сделавшего подобное отделение возможным» [4, с. 220].

Кстати, иногда именно за счет войны тыл может жить даже лучше, чем в мирное время. Гейц Али объясняет это материальными и институциональными причинами, говоря, что «ходе войны неслыханных масштабов, нацизм сумел обеспечить немцам невиданный, даже ранее, уровень благосостояния, социального равенства и вертикальной социальной мобильности». «Вот почему режим чудовищных массовых преступлений, – констатирует Гётц Али, – был в то же время режимом огромной народной популярности. Отсутствие сколько-нибудь значимого внутреннего сопротивления гитлеровскому режиму, равно, как и в первые, послевоенные годы, чувства вины у немцев, Али объясняет именно этой взаимосвязью. Именно она и превратила гитлеровский режим в столь привлекательный для 95%, т.е. подавляющего большинства немцев. Их уровень жизни и до войны, и в ходе войны был невероятно высоким. А когда стали возникать трудности с обеспечением немцам уже привычно, высокого уровня жизни, и прежде всего, питания, из-за происшедшего на восточном фронте, то, как показал другой немецкий историк – Кристиан Герлах, они и стали одной из причин, ускоривших уничтожение евреев Европы. Этим же объясняется во многом и убийство голодом и холодом миллионов советских военнопленных.

Продажа отнятой у евреев собственности позволяла выбрасывать на рынки капитала, недвижимости, и даже на вещевые рынки и в розничную торговлю, дополнительное количество благ и тем самым, пусть и частично – удовлетворять резко возросший в период войны спрос на повседневные товары и ценные вещи. На вопрос: куда девалось имущество ограбленных, депортированных и умерщвленных? – Али дает четкий ответ: их золото, драгоценности, часы, украшения, их одежда, предметы обихода, оборудование их мастерских и лавок, их валюта и ценные бумаги, их дома и хозяйственные постройки – все это продавалось местному населению и в самой Германии, и в оккупированных ею странах.

Выручка от продажи еврейской собственности втекала в резервуар госбюджета Германии и оккупированных стран, а затем, в очищенной от следов ее происхождения форме, присваивалась немцами. В 1942 г. президент

рейхсбанка Функ и рейхсфюрер СС Гиммлер договорились о том, что золото (включая выломанные из челюстей золотые зубы), драгоценности и наличность убитых в лагерях смерти поступают на хранение в рейхсбанк, который начисляет их денежный эквивалент на особый счет, зашифрованный кодовым именем “Макс Хайлигер”. Менее ценные мелкие предметы (часы, перочинные ножи, авторучки, портмоне и пр.) продавались, через особые лавки, фронтовикам; – хорошую одежду и обувь могли приобрести переселенцы из числа “фольксдойче”. Но выручка от продаж во всех случаях шла государству – она переводилась затем на соответствующую статью военного бюджета. Причём, министр финансов – Шверин фон Крозиг лично следил за ходом этого процесса.

И здесь мы возвращаемся к основному, наиболее болезненному и в сегодняшней Германии выводу Али: “Система была создана для выгоды немцев. Каждый принадлежавший к «расе господ» – а это были не только какие-то нацистские функционеры, но 95% немцев – имел долю в награбленном – в виде денег в кошельке, или импортированных, закупленных в оккупированных, союзных или нейтральных странах и оплаченных награбленными деньгами, продуктах. Жертвы бомбежек носили одежду убитых евреев, спали на их кроватях, благодарили партию и государство – за помощь” <...> С учетом жалования и довольствия военнослужащих подавляющее большинство немцев жило во время войны лучше, чем до нее. Это “военно-социалистически подслащенное благосостояние” позволяло поддерживать дух масс, побуждая их вытеснять из сознания преступную подоплеку такой политики. В годы войны большинство (на 1943 г. – 70%) немцев – рабочие, мелкие служащие, мелкие чиновники – не платили прямых военных налогов; крестьяне имели существенные налоговые льготы; пенсии в 1941 г. были повышены (это ощутили особенно мелкие пенсионеры). Все предложения финансовых специалистов об усилении налогообложения отвергались руководством рейха “по политическим соображениям”» [5].

Тезис Гейц Али верен лишь в определенной степени, а именно, если социальные блага берутся в контексте идеологии. Последняя как по волшебству превращает их в подлинные блага для человека, в его ценности, позволяя, даже когда этих благ становится все меньше и меньше, считать, что все правиль-

но (как это, например, происходит в настоящее время в нашей стране). Один из примеров подобной трансмутации, как показывает З.Бауман, – избегание прямых именованных денотата и замена их на нейтральные или даже благозвучные (не убийство, а «эвакуация», не лагерь смерти, а «учреждения по применению эвтаназии» или «благотворительный фонд медицинского обеспечения», или «центры транспортировки больных»).

Наконец, известно, что войны способствуют техническому развитию. Приходится изобретать все новое и новое оружие, превосходящее технику противника; кроме того, военные технологии начинают использоваться в мирной жизни.

От этих общих соображений о войне перейдем к анализу одного кейса, а именно походов Александра Македонского, акцентируя не столько тему самой войны, сколько ее социальные предпосылки, а также социальную природу. В качестве исторического материала воспользуемся книгой П. Грина «Александр Македонский. Царь четырех сторон света» (М., 2003). При этом я буду считать, что Питер Грин достаточно адекватно излагает время, личность и походы Александра Македонского, и я могу не обращаться к первоисточникам. Такой подход или модернизация в общем случае, конечно незаконны, но они, на мой взгляд, оправданы в свете задачи, которую я хочу решить. А именно, я хочу понять, что такое война, понять не в плане истории, а для своего времени и типа социальности. Кроме того, я предполагаю использовать этот материал для обсуждения ряда интересующих меня как методолога проблем: например, нельзя ли войну рассмотреть как пример любых социальных трансформаций или не распространяются ли на войну процессы социальной технологизации и институционализации. На эти вопросы важно ответить в том числе и для понимания войны как формы социальной жизни.

Некоторые особенности становления личности. Известно, что Александр Македонский был сыном царя Филиппа, тоже достаточно выдающейся личности, получил прекрасную подготовку в военном деле, и несколько лет его учителем был сам Аристотель. Но спрашивается, какое влияние на будущего македонского царя и завоевателя восточного мира оказали эти два мужа? Судя по книге Грина, Филипп выступал для Александра не только образцом воина и ца-

ря, но и задал отношение к греческим полисам, закат которых уже ощущался. «Следуя по стопам отца, мальчик хотел не только ни в чем не отставать от него, но и превзойти. Мальчиком он отождествлял себя с Ахиллом, от которого бы будто бы происходил род его матери. С отцовской же стороны Александр мог проследить свое происхождение вплоть до Геракла. Было бы крупной ошибкой недооценивать серьезность, с которой в Древнем мире относились к подобным генеалогиям. Героические мифы были для греков и македонян живой реальностью, к которой периодически обращались политики и полемисты. Без таких обращений к мифологии их просто не стали бы слушать» [6, с. 36].

Александр, принимая в дальнейшем судьбоносные решения, всегда апеллировал к богам и испрашивал мнение оракулов, как правило, дававшие ответы, которые можно было при желании истолковать в пользу царя. Стоит уточнить и понятие мифа: это была не просто живая реальность, правда, уже слегка покрытая ржавчиной условности, а «непосредственная реальность», т.е. указывающая для греков на то, что существует на самом деле.

Разгромив объединенную армию Фив и Афин, Филипп «не стал посылать гарнизоны в большинство крупных полисов (собственно, почти во все), но и без того было понятно, в чьих руках реальная власть. Греческие государства сохранили лишь тень прежней независимости» [6, с. 60]. Став царем Александр по отношению к греческим полисам, придерживался той же стратегии «кнута и пряника». Например, организуя поход в Персию, Александр собрал в Коринфе Совет Эллинского союза, куда были приглашены и представители тех стран, которые отказывались признать его власть. «Напуганные греки присылали посольства, кое-как пытаясь соблюсти достоинство». Совет единогласно «избрал Александра гегемоном вместо отца», зато греческие государства снова объявлялись «свободными и независимыми» [6, с. 84].

Хотя неизвестно, чему конкретно Александр учил Аристотель, можно примерно догадаться об общем тренде. С одной стороны, это культура мышления, которая потом не раз помогала Александру, гениально воссоздававшего психологию и замыслы противника, изобретавшего более эффективные схемы сражений, проводившего достаточно разумную политику в отношении завоеванных народов. «Он усвоил и всестороннее научное любопыт-

ство учителя, а также сопутствующий этому сугубо практический склад ума. Он проявлял интерес к медицине и биологии, любимым предметам Аристотеля, читал и обсуждал поэтов, первым долгом Гомера, учился основам геометрии, астрономии и риторики, прежде всего – искусству ведения спора и умению рассматривать предмет с разных сторон (эвристика). Это искусство пришлось Александру очень по душе, и в этом смысле уроки Аристотеля имели очень весомые последствия» [6, с. 47-48]. Но может более важно, что именно Аристотель повлиял на формирование у Александра полисного мировоззрения. Это было достаточно универсальное видение мира как единого целого, управляемого Разумом (при сохранении, так сказать, полюсов – отдельных городов-государств); причем, возможно, додумал уже сам ученик, на земле это единство мог обеспечить некий царь-демиург (почему не Александр?). Поясним эту вторую сторону.

Исторически в плане социальной реальности для греков исходным было несовпадение и разнообразие – и этническое и религиозное (отсюда полисы). Тем не менее, полисы шли на объединение. Спрашивается почему, что заставляло отдельные этносы объединяться в более крупные полисы или вступать в союзы городов, или просить защиты у другого античного государства в обмен на ту или иную форму подчинения или объединения?

Одним из главных факторов, безусловно, была необходимость увеличивать силу и безопасность, чтобы противостоять другим этносам и государствам, стремившимся к захвату твоей территории, земли и самой жизни (ведь известно, что, как правило, большую часть захваченного в войне населения превращали в рабов). Однако, как уже отмечалось, война рассматривалась в античности не только как средство защиты или обороны, но и как один из главных источников хозяйства. Именно в результате войн античное государство пополняло свой бюджет, обеспечивало свой народ рабами и другими благами, получало постоянный источник дохода в виде налогов и других обложений, наконец, расширяло свою территорию (на новых захваченных землях создавались новые поселения горожан данного государства или колонии). Постоянные войны или угроза последних, с одной стороны, а также желание стать более сильным и могущественным в военном отношении, с другой – заставляют многие античные общины и этносы идти на объединение и союзы.

Второй, не менее важный фактор, достаточно хорошо освещенный в научной литературе – торговля и совместная хозяйственная деятельность. И то и другое были более безопасны и эффективны в рамках более крупных социальных и политических образований

Но был еще один фактор, практически не проанализированный в науке. А именно, формирование рационального мироощущения и представлений в лице античной философии, науки, искусства и других областей познания и знания. Действительно, в «Тимее», «Государстве» и ряде других своих работ Платон рисует картину действительности и социума (государства), общую для всех греков, не обращая внимания на этнические или религиозные различия и особенности. Так же поступает и его гениальный ученик, Аристотель.

Стагирит в «Политике», обсуждая «наилучшее устройство государства», основывается не на различии религий или особенностей этнической жизни, которые он хорошо знает и часто использует в качестве примеров при обсуждении идеальной политики, а на разумном устройстве и благе для общества. Объект его социального действия – это средний обыкновенный человек, действующий разумно, а не представитель определенного этноса или религии.

Почему же и Платон и Аристотель, прекрасно зная, какую роль играют религия и обычаи и сколь различны эти реалии у разных народов, тем не менее, настаивают на образе мира и человека, не учитывающего ни первое ни второе? Думаю, во-первых, дело в том, что оба философа прекрасно понимают преимущества совместной социальной жизни, ценностей общего блага, добродетели и справедливости, ценностей, блокирующих междоусобицу, во многом основанную на абсолютизации и отстаивании этнических и религиозных различий. Во-вторых, как я показываю в своих исследованиях, сама задача выстраивания правильного мышления была связана с преодолением разномыслия и разномыслия [7, с. 75-90]. Как следствие – выход к такой картине мира, где главным выступали не различия, а единство.

Но стоит подчеркнуть и другой момент: и для обычного античного человека и для политика, даже если они стремились к объединению и совместной жизни с другими народами, различие античных народов и религий было исходным фактом и реальностью. Такое мироощущение и приводило к тому, что в со-

временном политологическом языке можно назвать «античной толерантностью», реализовавшейся в трех основных областях – государственной политике, религии и философии. Так, в политике повсеместно была распространена практика заключения союзов и сохранения автономии полисов и общин, входивших в более крупные государственные образования. В сфере религии шел другой процесс: трансформация местных богов и заимствование других, обеспечивающих согласие и понимание в межэтнических отношениях.

Наконец, и в философии, несмотря на стремление к универсальной всеобщей трактовке действительности, предполагалось и в той или иной степени декларировалось исходное разнообразие: «многое» Платона, важность «первой сущности» Аристотеля, совпадающей с единичными вещами, указание Стагирита на то, что право и государство предполагают «свободных и равных» людей; последнее же можно было понимать и как требование этнической и религиозной свободы.

Античную толерантность, конечно, нельзя и преувеличивать, если противник сопротивлялся, то его уничтожали, а население вводили в рабство. Но нельзя и преуменьшать. Без ее наличия, никогда бы не сложились ни античная культура, ни античная государственность. Античный мир всегда играл всеми красками многочисленных религий, культов и этнических форм жизни. «По персидскому вопросу Аристотель выступал бескомпромиссным этноцентристом... Известен фрагмент, где он советует Александру “быть вождем для эллинов и деспотом для варваров; к первым относиться как к родным и друзьям, а со вторыми обращаться как с животными и растениями”». Но практически Александр не мог не признать и высокой культуры Персии (недаром, завоевав Персию, он хотел, стать избранныком Ахурамазды (верховного зороастрийского божества). «Будучи прагматиком, Александр закрывал глаза на обычные религиозные или идеологические разногласия. Многие персидские вельможи были готовы сотрудничать с ним. Но совсем другое дело – признать его единственным Избранныком Ахурамазды» [6, с. 46, 197].

Не только царь, но и герой. Александр недаром ощущал себя Ахиллом, он и жил как этот божественный персонаж. Вот двадцатилетний сын Филиппа после убийства отца, в котором некоторые подозревали самого Александра, становится законным царем. Кажется, правь

спокойно в Македонии. Так нет, Александр тут же создает эллинский союз и организует поход против Персии. И пошло-поехало: сражения и какие, причем всегда Александр – победитель, новые походы – в Египет, среднюю Азию, Индию, да всех его деяний и не перечислишь. По масштабу они вполне такие, которые подобают именно героям. Похоже, уже подростком Александр ощущает в себе героическое начало, один эпизод с укрощением жеребца Буцефала чего стоит. Конюхи Филиппа нашли, что Буцефал совершенно неуправляем. Тогда девятилетний Александр предложил отцу справиться с конем. Он «подбежал к Буцефалу, взял его под уздцы и повернул к солнцу (мальчик заметил, что жеребца смущает его подвижная тень). Александр некоторое время постоял рядом с конем, поглаживая его, чтобы успокоить, а затем сбросил плащ и вскочил на Буцефала с тем проворством, которое отличало его и в зрелые годы. Сначала седок натянул поводья, потом отпустил, и конь помчался по равнине. Филипп и окружающие его люди, как сообщает Плутарх, “от волнения потеряли дар речи”, но Александр вскоре прискакал обратно, к восторгу всех присутствующих. Филипп пошутил, не без гордости: “Тебе придется искать себе другое царство – Македония маловата для тебя”» [6, с. 39-40].

Здесь проявился образ, который Александр стремился подтвердить всю жизнь: поступок, сравнимый с героическим подвигом, восхищение зрителей, нечеловеческая смелость и победа. Этот образ Александр всегда подкрепляет и визуально. Например, в первой битве с персами при Гранике на Александре «были великолепные доспехи из храма Афины в Илионе, щит его украшен был не хуже, чем щит Ахилла, а самого царя окружали оруженосцы и штабные командиры» [6, с. 114].

Но одно дело героическое самоощущение Александра, другое – так сказать, институциональное подтверждение этого ощущения, и даже больше божественного происхождения, храмовой и аристократической элитой. Особенно показателен эпизод с провозглашением Александра фараоном Египта. Он мог бы понять этот обряд именно как ритуал чужой культуры, но Александр воспринял торжественное провозглашение как подтверждение веры его матери Олимпиады «в его божественное происхождение». «Его собственные свершения уже могли соперничать со свершениями Геракла. И тут, среди древнего великолепия египетской культуры, которая,

очевидно, вызывала у эллинов своего рода благоговейный трепет, Александр узнает, что он поистине бог и сын бога. Греческая традиция явно различает эти два понятия, египетская же – нет» [6, с. 167]. Судя по всему, чем дальше, тем больше Александр укрепляется в новом и таком желаемом мироощущении своей божественной природы.

Правда, непонятно, каким образом Александр совмещает в своем сознании и телесности столь разных богов – греческого Зевса, персидского Ахурамазды, египетского бога Ра? А они как-то уживаются в личности Александра. Нельзя ли здесь вспомнить о двойственности (амбивалентности) античного человека, верящего одновременно в богов и, так сказать, в радио (идеи, сущности, разум)? Как ученик Аристотеля, Александр, возможно, мог рассуждать следующим образом. Разум – это божественное существо и, одновременно, «перводвигатель», мыслящее себя идвигающее своей мыслью планеты, да и все на земле. На земле двигателями являются, с одной стороны, философы (проводники разума), с другой – герои и полководцы, действующие и разумно и практически. Миссия последних заключается в реализации идей разума в форме создания единой вселенной и империи. Разные же боги (Зевс, Ахурамазды, Ра) – это, как бы выразились средневековые мыслители, всего лишь разные ипостаси разума.

Но не много ли я хочу от Александра Македонского, не философа, а полководца и царя? Стремление Александра к все новым и новым завоеваниям и походам ведь можно объяснить и вполне прагматическими причинами: с одной стороны, ему нужны были большие средства, чтобы содержать огромную армию и поддерживать свою власть как в Греции, так и в завоеванных странах, с другой – для Александра сражения, победы, завоевания, да и просто завоевательные путешествия стали своеобразным наркотиком, без которого он не мог жить.

С этой проблемой Александр столкнулся уже в самом начале своего царствования. «Филипп задолжал своей армии, и после его убийства оставался долг в 500 талантов. Даже дохода в 1000 талантов от Пангейских рудников (их Филипп захватил силой в 356 г. до н.э. и переименовал в Филиппу. – В.Р.) хватало лишь на треть для содержания македонской армии. Александр, сверх того, отменил прямые налоги, что, очевидно, укрепило его популярность, но значительно ухудшило

ее финансовое положение. Царь был склонен считать, что лучше всего пополнить пустую казну за счет других, и в этом смысле возлагал надежды на сказочные богатства персидских царей. Сомневаться в выбранном пути не приходилось, и на следующий, 334 г. до н. э. было намечено вторжение в Персию при неохотном согласии Совета» [6, с. 100]. (Сравни, с аналогичными проблемами Гитлера).

Укрепление власти объясняет и желание Александра принять на себя божественные прерогативы. Думаю, понять личность Александра можно, лишь совмещая его героические устремления со вполне земными целями и привычками.

А что двигало массами? Понятен завод личности Александра, но что двигало его армией, заставляло терпеть его власть греков? Ведь не только деньги? Армия Александра состояла как из наемников, так и македонян, которым, правда, тоже платили. Объяснить походы Аристотеля, в которых участвовали и гибли тысячи людей, только одними денежными соображениями невозможно. Но мы знаем, что Александр подкрепляет деньги весомыми идеологическими соображениями. Он заимствует от отца важный посыл («социальное послание», «социальный проект»), а именно, что греки должны отомстить персам за прежние обиды, а также резко поднять свое благосостояние за счет их богатств.

Как известно, автором этого послания был афинский оратор Исократ, который в «Слове к Филиппу» призывал к общеэллинскому походу против Персии под руководством македонского царя, утверждая, что такая война, «лучше мира и скорее похожа на священную миссию, чем на военный поход» [6, с. 41]. В речах Исократ («Панегирике» и «Слову к Филиппу») «подчеркивалось изнеженность и трусость, будто бы свойственные персам, и их неспособность вести войну, а также то обстоятельство, что можно будет захватить большую добычу малыми силами. В обеих содержалась идея совместной борьбы против общего врага как альтернативы нескончаемым междоусобицам, раздиравшим Грецию» [6, с. 41]. Возможно, подобные тексты лучше назвать «меседжами–проектами», поскольку они содержали в себе не только послания к массам или определенным сообществам, но и установку на реализацию (действие). Но поскольку понятие «проект» складывается не раньше Возрождения, относительно античной культуры такое понимание не совсем правильное.

Как мы видим, социальное послание, с помощью которого Александр инициировал и воодушевил греков, содержал две важные составляющие. Первая, связанная с реальным вызовом – необходимостью преодолеть междоусобицу. Вторая, скорее собственно идеологическая (идейная), а именно обещание лучшей жизни и власти над персами. И не только: послание царя, происходившего от самого Геракла, воспринималось войском Александра как голос самого неба, как исходящее от высшего начала. Интересно, что когда это послание было реализовано, Александру пришлось обновить армию, сделав ее полностью наемной, кроме того, он постарался уменьшить влияние македонян, а в экстремальных ситуациях прямо дезинформирует своих воинов.

«В Экбатанах Александр произвел быструю реорганизацию. Сожжение персеполисского дворца ставило точку в эллинском “священном походе” против персов, и, пользуясь этим обстоятельством, царь рассчитался со всеми войсками Эллинского союза. Ему теперь нужна была отборная профессиональная армия, преданная ему одному, готовая следовать за ним куда угодно. Поэтому каждый воин, который пожелал повторно записаться в армию Александра, получал в момент поступления не менее трех талантов. Мало кто мог устоять против такого соблазна<...> Александр стремился всячески уменьшить македонское влияние в своем государственном аппарате. Старые гвардейцы постепенно сходили со сцены, а в царской администрации рос удельный вес персидской знати <...>

Стремление Александра захватить эту таинственную страну (Индию) основывалось как на чистом любопытстве, так и на стремлении в своем завоевательном походе дойти в буквальном смысле до конца земли<...> Скорее всего, он сам уже знал правду, но скрывал ее от своих людей, опасаясь последствий для их и без того понизившегося боевого духа. Александр старался, чтобы ненужная информация об этом по возможности не просочилась в его армию. Его агитаторы всячески преуменьшали трудности, связанные с предстоящей кампанией» [6, с. 202, 231, 233, 249].

Если же, что бывает чаще, социальное послание в части обещания лучшей жизни не удастся реализовать, поддержка власти (неважно, царской или демократической) начинает падать, а само послание быстро теряет свою двигательную энергию. Если исходное послание (Исократ) удалось полностью осу-

ществить, то последнее – призыв к завоеванию Индии потерпело крах. Во-первых, это послание было слабо мотивировано (зачем, спрашивается, завоевывать совершенно незнакомую страну, и неизвестно какие опасности там ожидали греков), во-вторых, в Индии условия жизни армии стали настолько невыносимы, что армия взбунтовалась и заставила царя повернуть назад. «Прервав поход, царь дал всем воинам отдых и разрешил грабить близлежащие селения. Однако он ошибся в своих ожиданиях. Вернувшись с богатой добычей, его воины снова не выразили желания идти в новый поход <...> Кен, уже старый, и, видимо пораженный последней болезнью, храбро попытался сообщить царю правду. Ветераны, сказал он, страшно устали и не могут больше выносить тяготы военных походов. Они хотят только вернуться домой, пока еще не поздно» [6, с. 251, 252].

Интересно, сравнить македонское послание с нацистским. Последнее тоже было вызвано реальным вызовом: острой необходимостью больших денег для преодоления социального кризиса и желанием укрепить власть Гитлера. Другая его часть содержала те же самые две составляющие – обещание лучшей жизни и власти над неарийскими народами. Третья часть послания была, если можно так сказать, функциональной: чтобы реализовать первые две части был развернут концепт «жизненного пространства», необходимого для немецкого народа. Четвертая – целая серия идей, уходивших корнями или в эзотерическое мироощущение или просто в личные представления Гитлера (например, о необходимости окончательного решения еврейского вопроса или третьем рейхе). Основные идеи Гитлера нашли отражение в опубликованной в 1920 г. программе НСДАП, стержень которой составляли следующие требования:

- ликвидация последствий Версальского диктата;
- обретение жизненного пространства для растущего народа Германии и германоязычного населения;
- восстановление мощи Германии путём объединения под единым государственным управлением всех немцев и подготовка к войне (при категорическом исключении возможности войны на два фронта);
- очищение германской территории от засоряющих её инородцев, прежде всего евреев;
- освобождение народа от диктата мирового финансового капитала и всемерная под-

держка мелкого и ремесленного производства, творчества лиц свободных профессий;

– решительное противостояние коммунистической идеологии;

– улучшение условий жизни населения, ликвидация безработицы, массовое распространение здорового образа жизни, развитие туризма, физкультуры и спорта [8].

Большевистское же социальное послание отодвигало лучшую жизнь в неопределенное будущее коммунизма, зато власть пролетариата обещал распространить на весь мир. В романе «Сталин» (1997) Э.Родзинский это послание называет «Великой утопией». В плане художественной реконструкции (фантазии) Родзинского, Сталин строит свое послание, соединяя марксову утопию с идеей мощного государства. «Единый банк, единый план, организованное в колхозы крестьянство, пирамида властных руководителей – маленьких вождей... И на вершине – Вождь, чья команда моментально воплощается малыми вождями... Гигантские средства сосредотачиваются в руках Вождя. Он сможет создать величайшую промышленность и, следовательно, величайшую армию... а дальше – великая ленинская мечта о мировой революции» [9, с. 248, 341].

Обобщая, можно высказать гипотезу, что как военные походы (войны), так и социальные реформы, и, возможно даже, обычная социальная жизнь, движима социальными посланиями. Только одни из них требуют кардинальных социальных преобразований, а другие могут быть реализованы на основе уже сложившихся социальных процессов.

Условия реализации социального послания. Работа Питера Грина позволяет указать основные условия реализации послания-проекта завоевания Персии. Во-первых, это большая хорошо подготовленная профессиональная армия, которую начинал создавать еще Филипп. Одна знаменитая македонская фаланга чего стоит. «Воины ее имели на вооружении страшные сариссы, копьа длиной 13-14 футов... Так как они были примерно вдвое длиннее обычных пехотных копий, македоняне всегда имели возможность нанести первый удар при соприкосновении с противником. Воины фаланги проходили такую же серьезную военную подготовку, как впоследствии римские легионеры» [6, с. 25]. По сути, армия Александра в плане подготовки и управления была в то время лучшей в Древнем мире. Нельзя скидывать со счетов и дух греческих

воинов: судя по тому, что воины Александра Македонского не проиграли ни одного сражения, этот дух явно превосходил настроенность восточного противника. Во-вторых, македонская армия была очень хорошо для того времени оснащена технически. «Помимо полевых сил, во вторжении в Персию принимали участие многие специалисты, включая инженеров, механиков и топографов». Техническую подготовку армии можно проиллюстрировать на примере осады Тира. Сначала была построена огромная дамба и осадные мосты, с помощью которых можно было приблизиться к отвесным стенам города. «На конце дамбы были размещены метальщики, лучники и легкие катапульты... Инженеры Александра построили много стенобитных машин, которые были укреплены на больших платформах, каждая из них поддерживалась двум баржами. На таких плавучих платформах установлены были тяжелые катапульты, защищенные от ударов с воздуха. Эти суда, сопровождаемые обычными кораблями, окружили остров со всех сторон, образовав правильных круг» [6, с. 158].

В-третьих, греческую армию возглавляли сильные полководцы, во главе которых стояли Александр и очень опытный Парменион [6, с. 102]. Между Парменионом и Александром почти в течении всей персидской компании шла глухая борьба за власть над армией. Но Александр всегда « понимал его ценность как полководца, к тому же Парменион обеспечил возможность наследования престола, и за эту услугу приходилось платить дорого» [6, с. 102].

В-четвертых, что уже отмечалось, Александр и его полководцы превосходили своих противников в плане мышления. И дело не в простой хитрости и приемах (многие из них были известны и персам), а именно в реализации рационального подхода, включавшего анализ ситуации, выработку плана сражения, учет психологии противника, определении слабых мест в обороне, сосредоточении в этих точках превосходящих сил, обманные ходы и прочее.

В-пятых, Александр постоянно поддерживал дух армии, как своим примером (во многих сражениях он не только руководил боем, но и принимал в нем непосредственное участие как ведущий атакующий кавалерист), так и постоянной заботой о бойцах. Например, после взятия Галикарнаса, «всех воинов-молодоженов царь отослал домой на зимний отпуск, что еще увеличило его популярность» [6, с. 127].

В целом указанные здесь моменты образовывали то, что с современной точки зрения, можно назвать *социальной технологией*, созданной для реализации греческого социального послания. Перенесемся через две тысячи лет и сравним эту технологию с той, которую создала нацистская Германия для реализации проекта окончательного решения еврейского вопроса. З.Бауман в уже цитируемой работе «Актуальность холокоста» показывает, что на первом этапе нацистская элита, получившая власть, посылает обществу нужное для этой власти послание; конкретно, она вменяла немцам представления, по которым евреи – источник всех зол, и очищение от них Германии является первоочередной национальной задачей (узкой руководящей части элиты адресовалось другое послание, а именно, необходимость окончательного решения еврейского вопроса).

Ко второму этапу можно отнести разработку необходимой для практического осуществления нацистского послания *социальной технологии* (сначала вытеснения евреев из Германии, затем полного их уничтожения). Эта технология включала в себя следующие этапы: *определение* (построение типологии, позволяющей отделить еврея от арийца, а также задать промежуточные типы), *увольнение служащих и экспроприация коммерческих компаний*, *концентрация* (дистанцирование от общества и помещение в лагеря смерти), *эксплуатация труда и голодомор*, *уничтожение*. «Определение, – пишет Бауман, – обособляет виктимизированную группу (все определения означают разбивание целого на две части – маркированную и немаркированную) как отличную категорию, и что бы ни применялось к ней, не относится ко всем остальным. Посредством самого определения группа становится объектом особого обращения; то, что верно в отношении “обычных” людей, вовсе не обязательно верно в отношении такой группы. Индивиды-члены группы становятся теперь вдобавок экземплярами определенного вида». «Наибольшей удачей нацисты достигли в обезличивании евреев. Чем больше еврей изгонялся из общественной жизни, тем сильнее он, казалось бы, подходил под стереотипы антиеврейской пропаганды, которая, как это ни странно, становилась тем сильнее, чем меньше евреев оставалось в самой Германии» [4, с. 224, 226].

К третьему этапу, хотя он разворачивался одновременно со вторым, нужно отнести

создание *институтов*, обеспечивающих воспроизводство созданной технологии (научных институтов изучения еврейского вопроса, отделов в СМИ, «экономического отдела Главного управления имперской безопасности», лагерей смерти и других). Можно предположить, что эти три этапа (разработки и вменения социальных посланий, создания технологии и типологий, формирования институтов) характерны для процессов «социальной технологизации» и в других социальных областях. Из работы Баумана можно извлечь еще две характеристики, проясняющие особенности социальной технологии, причем не только фашистского государства.

Что еще Бауман понимает под социальной технологией? Две вещи: бюрократию и рационализм. «Холокост впитал в себя огромное количество средств принуждения. Поставив их на службу единственной цели, он также дал им дополнительный стимул к их дальнейшей специализации и техническому совершенству. Однако гораздо важнее было не количество средств разрушения и даже не их техническое качество, а способ их использования. Устрашающая эффективность их использования главным образом зависела от исключительно *бюрократических, технических решений* (благодаря которым их использование приобрело стойкий иммунитет к противодействующему давлению, которому оно могло бы подвергнуться, если бы средства насилия находились под контролем рассредоточенных, разрозненных сил и использовались неорганизованно). Насилие превратилось в методику. Как все методики, оно лишено эмоций и является исключительно *рациональным*» [4, с. 121].

Из текста книги можно понять, что бюрократия, по Бауману, – это популяция чиновников, действующая «целерационально» (термин М.Вебера), и что, не менее существенно, сообщество, полностью лишенное моральных и нравственных переживаний, точнее, если даже такие переживания имеют место, то они никак не влияют на действия и решения чиновников-бюрократов. По сути, бюрократ так специализировался в своей профессии, что все его человеческие способности и сознание преобразились в «винтики» и «колесики» социальной машины (института). В этом смысле бюрократия представляет собой социальную технологию, но существующую в форме антропологического материала и конструкции. Да, без людей

социальная машина встанет, но, чтобы она эффективно работала, нужны не обычные люди с их переживаниями и экзистенциями, а специалисты – т.е. элементы социальной машины; это и есть бюрократия.

В свою очередь и рациональность относится к плану формирования социальной технологии. Дело в том, что любая технология, ориентированная на образцы инженерии, предполагает разбиение живых процессов на отдельные типы и операции, выявление условий, позволяющих их воспроизводить, установление связей и отношений между данными типами, операциями и условиями. При этом речь идет не об отдельных случаях, а о массовых и воспроизводимых (специалистами), поэтому все эмоции, переживания и тому подобные соображения должны быть элиминированы. Логика технической рациональности – это логика машины и индустриального массового производства, логика экономии и качества. В эффективной социальной машине не могут работать конструкции, ведущие себя не как механизмы, а как обычные люди, не свободные от переживаний и нравственных ценностей. Бюрократия исторгает таких людей и, наоборот, культивирует и поддерживает тех, кто ничем не отличается от бездушных винтиков и колесиков бюрократической социальной машины. Но вернемся к назад в древнюю Грецию к Александру Македонскому, с которым по мере его успехов происходило и перерождение.

Испытание властью. Как известно, власть развращает, абсолютная власть – развращает абсолютно. Не избежал этого и Александр Македонский. Он был человек своего времени, в борьбе за власть не чуждался даже, если это было необходимо, убийств. На заре своего царствования, когда против Александра был организован мятеж, он в частном письме к своей матери, Олимпиаде, которой полностью доверял, «просил ее о немедленном уничтожении Аминты и сына Клеопатры, Карана (Клеопатра была второй женой Филиппа, а это ее дети. – В.Р.). Александр знал, что Олимпиада выполнит его требование» [6, с. 92-93]. В конце своих походов Александр был окружен льстецами, которые оправдывали любые несправедливые поступки царя, например, убийство им в гневе своего старого товарища Клита, осмелившегося сказать, что Александр поставил себя выше людей, и указывал на восточные пристрастия Александра, окружившего себя персидской знатю. «В характере

Александра произошла перемена к худшему. Он становился все более подозрительным и склонен был верить любым наговорам на своих чиновников. Царь сурово наказывал даже сравнительно небольшие провинности, обосновывая это тем, что чиновники, в них виновные, могут легко совершить и серьезные преступления. Отчасти это было связано с его политикой, но были и другие причины. Сказались ли здесь упоение победами, огромные богатства, абсолютная власть, привычка к пьянству, постоянное напряжение или все это вместе, судить трудно. Но поступки царя теперь определяла не только политическая необходимость, но и его растущая мания величия» [6, с. 274]. Анализ истории Александра хотелось бы закончить общими размышлениями о войне.

Кто выиграл войну против персов? Александр, его армия или более развитое греческое общество и более совершенные социальные технологии? Понятно, что так вопрос нельзя ставить: сами по себе без людей (армии и полководцев) общество и технологии действовать не могут. Но все же имеет смысл утверждать, что в перспективе социального существования победили греческое общество и созданные ими технологии. Поскольку в древнем мире цена человека определялась только его социальной ролью, которая при военном поражении обнулялась, постольку проигравшие войну могли быть уничтожены без всяких сожалений.

Вот яркий пример. Когда организованное сопротивление Тира «было сломлено, в город ворвались ветераны Александра, взбешенные долгой тяжелой битвой за город, одержимые жестокостью, и устроили кровавую охоту за людьми. Некоторые жители запирались в домах, совершая самоубийства. Александр приказал не щадить никого, кроме тех, кто находил убежища в храмах, и его приказы выполнялись с жестоким удовольствием. Во время этой оргии насилия погибло около 7000 жителей, и жертв было еще больше, если бы не сидонцы, которые вошли в город вместе с воинами Александра. Несмотря на вековое соперничество Тира и Сидона, они ужаснулись увиденному и сумели вывести в безопасные места до 15000 тирцев» [6, с. 162].

Получается, что традиционная война представляет собой, во-первых, борьбу социальных сообществ и технологий, во-вторых, предполагает убийство и пленение людей, разрушение городов и селений, в-третьих, это

механизм социальной эволюции. Действительно, походы Александра Македонского привели к созданию не только империи, но и формированию культуры эллинизма. С распадом державы Александра Македонского, в Передней и Малой Азии стали складываться новые формы социально-экономических отношений. На территорию империи переселилось много македонян и греков, принеших туда свои обычаи и культуру. Развивались товарное производство и рыночные отношения. Политика строилась на сочетании власти монархий с самоуправляющимися общинами. Все большую роль играли города. Культурная общность этого периода обеспечивалась в том числе распространением двух основных языков – обще греческого и арамейского, но во многих регионах сохранялись свои языки и обычаи. Произошли изменения и в быту. Четче проявились различия между культурой города и деревни. Процветала идеология космополитизма и индивидуализма. Это было время развития науки и искусства.

В наше время, особенно на Западе, цена отдельного человека постоянно растет. Кроме того, войны стали экономически убыточны, а чужие территории не нужны. Соответственно, трансформировались войны. В идеале развитие техники может привести к войне технологий и точечной ликвидации врагов (яркий пример здесь войны США и Израиля). Одно из следствий – миллионы беженцев. Одно из следствий – миллионы беженцев.

То есть современная война в перспективе может обойтись без уничтожения людей. Но поскольку общества в мире находятся на разных уровнях развития, воспроизводятся и традиционные войны. Более того, наблюдается тренд культивирования варварства (например, фундаменталистские религиозные движения), связанный с развитием, направляемым более простыми (если не сказать, примитивными), чем в современной западной культуре, идеями и нормами. В рамках этого тренда создаются движения и армии (маоистские, коммунистические, религиозные), например, Аль-Каида, Боко Харам, ИГИЛ, кото-

рые применяя современное оружие и технику, ведут локальные войны, уничтожая все несогласных, да и просто мирное население.

Последний вопрос, очень занимавший Канта: можно ли прожить без войны? В настоящее время, очевидно, – нет. Точнее, западный мир, возможно, мог бы прожить без войн, поскольку пацифистские и гуманистические движения, как уже отмечалось, способствуют превращению традиционных войн в войны с минимальным количеством жертв среди противника и населения. (Другое дело, что всегда есть почва для идей, питающих трансцендентальную миссию войны).

Но противоположная тенденция, вызванная экспансией варварства, наоборот постоянно возобновляет традиционные войны, часто, с точки зрения массовых убийств, в худших вариантах. Поскольку западный мир не может отгородиться «китайской стеной» от остального мира и поскольку неравенство культур и уровней развития не только не уменьшается, а скорее увеличивается, наконец, поскольку трансцендентальные идеи, обуславливающие войны, никогда не иссякнут, постольку постоянно воспроизводится почва для войны.

Означает ли сказанное, что не нужно бороться против войн и участия в них? Вероятно, нет. Ведь нельзя согласиться с немотивированной гибелью людей и разрушениями. Например, с разрушением музеев и городов, насилием и рабством, показательными казнями и прочими зверствами, которые демонстрирует ИГИЛ или Аль-Каида. Одновременно приходится учитывать, что война является одним из механизмов социальной эволюции; без войн, расчищающих и деконструирующих сложившуюся социальность, развитие не происходит. Вопрос, как совместить оба указанных момента?

Я не знаю ответа, на основные поставленные здесь вопросы, да и отдельный мыслитель не может получить такие ответы, не вообще, а чтобы их признали и они работали. Но задача философа, которую я посилено старался решить, поставить эти вопросы и начать их обсуждение.

Библиография:

1. http://www.civisbook.ru/files/File/Kant_K_vechnomu_miru.pdf. С. 19, 21 (Электронная библиотека «Гражданское общество». URL: <http://www.civisbook.ru>).
2. Историки Доколумбовой Америки и Конкиссты. Книга первая. Фернандо де Альва Иштлильшочитль Хуан Баутиста де Помер. Киев, 2013.

3. Человек: Мыслители прошлого и настоящего о его жизни, смерти и бессмертии. Древний мир – эпоха Просвещения. М., 1991.
4. Бауман З. Актуальность холокоста. М., 2010.
5. Георгий Стоцкий Народное государство Гитлера. <http://www.vaadua.org/news/narodnoe-gosudarstvo-gitlera>. Источник: Götz Aly – «Hitlers Volkstaat. Raub, Rassenkrieg und nationaler Sozialismus»).особенно мелкие пенсионеры.
6. Питер Грин Александр Македонский. Царь четырех сторон света». М., 2003.
7. Розин В.М. Мышление: сущность и развитие. М., 2014. С. 75-90.
8. <https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%9D%D0%B0%D1%86%D0%B8%D0%BE%D0%BD%D0%B0%D0%BB-%D1%81%D0%BE%D1%86%D0%B8%D0%B0%D0%BB%D0%B8%D0%B7%D0%BC>
9. Родзинский Э. Сталин. М., 1997.
10. И. Э. Магадеев К проблеме адаптации военных к техническим изменениям: танк и его место во французской военной мысли 1920-х годов // Исторический журнал: научные исследования. – 2012. – 2. – С. 85 – 91.
11. Копцева Н.П., Резникова К.В. К вопросу о культурно-психологических факторах национальной безопасности. Результаты ассоциативного эксперимента с ассоциатом «современная война» (на материале исследований в студенческих группах Сибирского федерального университета) // Национальная безопасность / nota bene. – 2014. – 5. – С. 791 – 815. DOI: 10.7256/2073-8560.2014.5.13336.

References (transliterated):

1. Istoriki Dokolumbovoi Ameriki i Konkisty. Kniga pervaya. Fernando de Al'va Ishtlil'shochitl' Khuan Bautista de Pomer. Kiev, 2013.
2. Chelovek: Mysliteli proshlogo i nastoyashchego o ego zhizni, smerti i bessmertii. Drevnii mir – epokha Proshcheniya. M., 1991.
3. Bauman Z. Aktual'nost' kholokosta. M., 2010.
4. Georgii Stotskii Narodnoe gosudarstvo Gitlera. <http://www.vaadua.org/news/narodnoe-gosudarstvo-gitlera>. Istochnik: Götz Aly – “Hitlers Volkstaat. Raub, Rassenkrieg und nationaler Sozialismus).osobenno melkie pensionery.
5. Piter Grin Aleksandr Makedonskii. Tsar' chetyrekh storon sveta». M., 2003.
6. Rozin V.M. Myshlenie: sushchnost' i razvitie. M., 2014. S. 75-90.
7. Rodzinskii E. Stalin. M., 1997.
8. I. E. Magadeev K probleme adaptatsii voennykh k tekhnicheskim izmeneniyam: tank i ego mesto vo frantsuzskoi voennoi mysli 1920-kh godov // Istoricheskii zhurnal: nauchnye issledovaniya. – 2012. – 2. – С. 85 – 91.
9. Koptseva N.P., Reznikova K.V. K voprosu o kul'turno-psikhologicheskikh faktorakh natsional'noi bezopasnosti. Rezul'taty assotsiativnogo eksperimenta s assotsiatom «sovremennaya voina» (na materiale issledovaniy v studencheskikh gruppakh Sibirskogo federal'nogo universiteta) // Natsional'naya bezopasnost' / nota bene. – 2014. – 5. – С. 791 – 815. DOI: 10.7256/2073-8560.2014.5.13336.